

Воскресенье, 11-го января 1904 года.

Сибирякъ въ характеристикѣ Н. М. Ядринцева.

(Изъ неизданной рукописи покойнаго публициста).

Сибирякъ въ своихъ обычаяхъ и обстановкѣ усвоилъ особый образъ жизни, который отличаетъ его отъ великоросса. Посѣщающіе Сибирь русскіе люди не стали находить въ Сибири ничего "русскаго" (т. е. древне-русскаго историческаго, традиціоннаго), а сибиряки нріучились звать себя "сибиряками" въ отличіе отъ "россійскихъ", не столько отмѣчая свою обособленность и ино-племенность - объ этомъ рѣчи не могло быть-сколько особый складъ жизни. Приволье, жизнь въ лѣсахъ и скитанье въ дикой странѣ, борьба съ природой придали осо-

сибиряка такихъ свойствъ, которая даютъ ему иногда Преимущества передъ великороссами, держимыми старины.

Что придаетъ однако консервативныя и неподвижныя свойства сибирскому характеру, дѣлаетъ его отсталымъ-это узость кругозора и привычка жить только настоящимъ, не думая о будущемъ, не сознавая историческаго будущаго своей страны. Эта черта печальная, но она обусловлена была темнотою, тяжелыми условіями опеки, невѣжествомъ и отсутствіемъ сношеній съ просвѣщеннымъ міромъ, проникнутымъ идеей историческаго существованія. Этотъ важный недостатокъ долженъ однако исчезнуть съ просвѣщеніемъ, и тогда при нормальныхъ условіяхъ развитія сибирякъ можетъ обнаружитъ, благодаря своей настойчивости и энергии, такое стремленіе къ осуществленію своего лучшаго

разитса кустиками голубики (*Vaccinium uliginosum*), полярной березки и низкими тальниками; голубая и бѣлая генцаны, альпійская фіалка, бѣлая дриада (*Dryas octopetala*) и др. альпіицы предпочитаютъ щебнистыя мѣста.

Полтора часа подымаю вдоль корумника, и вы достигаете сѣдловины у подножія западнаго столба Иргаконъ, гдѣ нужно оставить лошадей и продолжать подъемъ пѣшкомъ.

Здѣсь прекращаются глинистыя сланцы и начинается крупно-зернистый розовый гранитъ. Изъ него сложена пирамида Иргаконъ, возвышающаяся между двумя истоками Буйбы. Ея западный склонъ представляетъ крутую покатость, а восточная сторона обрывается вертикальной стѣной болѣе сотни сажень въ сосѣднюю долину. Съ края верхняго гребня вершины высунулись въ воздухъ громады разрушаю-

Рис 5.-На вершинѣ Иргаконъ.

Рис. 6.-Рѣка Казырсукъ.

бую мощь, выносливость и энергію этому населенію. Борьба за существованіе развила въ немъ находчивость, изобрѣтательность, сметку, "сибирскую хитрость". (Этнографы называютъ это качествомъ мышленностью). Это способствуетъ его нѣсколько высокочкомъ отношению къ дру-гимъ областникамъ.

Въ сибирскомъ населеніи, предоставленномъ самому себѣ, долго отчужденному, не встрѣчавшему помощи, не выработалось увѣренности въ чужую душу. Сибирякъ вѣрить только въ себя, въ свои силы, въ индивидуальность, но тѣмъ не менѣе въ этомъ сказывается характеръ и способность къ самопомощи. Онъ вѣрить только своимъ силамъ, своему уму и на чужую помощь не надѣется. Въ немъ не развитость мягкости, сантиментальности, нѣтъ изыженности, вялости и рыхлости, а есть нѣчто стойкое, желѣзное въ натурѣ. Сибирякъ въ новой жизни привыкъ жить текущей жизнью и практическими интересами. Онъ не способенъ увлекаться и заноситься въ область мечтаній, его поглощаетъ насущная цѣль, и онъ руководится только вѣрными расчетомъ; это придадо особенно логической и практической складъ его уму. Сибирякъ не податливъ, скептически съ перваго раза, пока самъ не продумаетъ и убѣдится въ выгодѣ чего-либо. Зато, сознавъ извѣстныя удобства и выгоды, никто такъ не увлекается "новшествомъ", такъ не усваиваетъ новое и всякое культурное преимущество, какъ онъ. Этимъ объясняется то, что сибиряки быстрее русскихъ крестьянъ усваиваютъ моду, обстановку культурныхъ классовъ, вѣннее улучшение жизни, комфортъ, шегольство, а образованные классы изъ сибиряковъ быстро примыкаютъ къ цивилизаціи и становятся прозелитами и даже фанатиками передовыхъ идей. Все это служить ручательствомъ способности къ прогрессу. При такихъ данныхъ нельзя отрицать въ характерѣ

будущаго, которое оставить за собою другіхъ собратьевъ съ менѣе развитыми силами и болѣе связанными историческими предразсудками.

Въ Усинскій край.

2. Черезъ Саяны.

(Продолженіе.-см. иллюстр. прилож. къ № 3).

Семень, хорошо знающій всѣ тропы, можетъ проводить и къ вершинамъ Иргаконъ. Чтобы попасть туда, нужно прежде всего подняться въ восточномъ направленіи отъ озера болотистымъ склономъ на перевалъ, достигающій 1550 метровъ абсол. высоты, и спуститься въ правый истокъ Буйбы (притокъ р. Усы). Уже съ перевала передъ вами открывается видъ на скалистые утесы вершины; къ сожалѣнію они часто биваются задернуты облаками. При спускѣ по широкой долинь Буйбы слѣдуетъ обратить вниманіе на поперечный валь, перегораживающій долину поперекъ. Онъ, поросъ лѣсомъ кедровъ и зятянутъ мхами, но въ немъ легко узнать конечную морену исчезнуваго ледника. Этотъ валь лежитъ приблизительно на той же высотѣ, что и морена, запруживающая Ойское озеро; это обстоятельство еще болѣе подтверждаетъ ледниково происхождение вала. Въ 1 1/2 часахъ вѣды отъ озера вы подходите къ сляню праваго истока Буйбы съ лѣвымъ и начинаете подниматься вторымъ по сочнымъ лугамъ среди группъ кедровъ, и развѣсистыхъ куртинъ ольхи, которая здѣсь выходитъ, къ самой границѣ лѣса. Выше поднимается не особенно крутой склонъ, занятый альпійской тундрой, пересѣкаемой полосами корумника. Монотонный коверъ мховъ и лишайниковъ разнооб-

щіяся гранитныя глыбы. Жутко становится на нихъ при сознаніи, что внизу открывается пропасть! (рис. 5). Когда мы карабкались все выше по скользкимъ, утесамъ, вершину все плотнѣе укутывали облака, черезъ которые едва означались ближайшія контуры; сосѣднія вершины и даль совершенно пропали за молочной стѣной. Лишь когда порывами вѣтра на моментъ разрывалась облачная пелена, подъ ногами видно было по обѣ стороны) вершины на маленькому озеру, изъ которыхъ, вытекаютъ оба истока Нижней Буйбы; потомъ, все опять затягивалось облаками). Вершина имѣетъ около 2000 метровъ абсолютной высоты, и здѣсь Саяны не достигаютъ снѣжной зоны), но характеръ верхнихъ долинъ Буйбы ясно говоритъ, что въ прошедшемъ здѣсь были и вѣчные снѣга, и ледники.

Въ трехчасовой переѣздъ вы возвращаетесь къ вашему стану на Ойскомъ озерѣ. Можно было бы спуститься долиной Буйбы на Усы и долиной послѣдняго притока въ Усинское, но эта дорога и много труднѣй, и менѣе интересна.

Чтобы вновь выйти на торную Усинскую тропу, нужно отъ Ойскаго озера спуститься долиной Большой Онъ версты 20 и при этомъ отчасти повторить старую дорогу (до Казачьяго ключа). По мѣрѣ спуска рѣка замѣтно обогащается водой, а тайга гуще наливается со стороны склоновъ на едва замѣтную тропинку, которая по временамъ, и совсѣмъ теряется въ заросли высокыхъ травъ.

Достигнувъ тропы и повернувъ на югъ, вы поднимаетесь на третій хребтъ (считая отъ Кеша) и скоро выходите на перевалъ, на вер-

*) По той же причинѣ, я не могу точно опредѣлить, на какой вершинѣ Иргаконъ я былъ.
) Какъ извѣстно, вѣчный снѣгъ и даже маленькіе ледники имѣются на вершинѣ Мунку-Сарлыкъ въ восточныхъ Саянахъ, ближе къ Иркутску.

шинь которого возл скаль глинистаго сландца стоятъ столбѣ съ надписью "Усинскій округъ". Это приблизительно половина пути между Григорьевкой и селеніем Усинскимъ. Спускъ въ густомъ лѣ су приводитъ въ долину праваго значительнаго притока Енисея - Казырсука . полу-чившаго минувшимъ лѣ томъ печальную извѣ-стность вслѣ дствие гибели на немъ полковника Верещагина. Русло рѣки, покрытое громадными окатанными глыбами, достигаетъ 10-20 саженъ ширины; потокъ синеватой прозрачной воды грохочетъ на камняхъ и всплываетъ бѣлками-ми (рис. 6). Брода очень трудны, и здѣсь весь-ма выручаетъ мостъ, перекинутый въ узкомъ мѣстѣ потока недалеко отъ шестой избушки *). Тайга въ этой части Саянъ достигаетъ особенной густоты; кедръ; пихты и ели выходятъ къ

тронъ сплошной темнозеленой стѣной, кое-гдѣ разрѣженной пожарами; поль зятянуть бархатистымъ бѣлымъ и синеватымъ ковромъ лишайниковъ, черезъ который прокалы-ваются кустики брусники и черники (рис. 7) .

Отъ Ойскаго озера до Казырсука - хороший дневной переходъ.

Изъ долины Казырсука все той же горной тайгой въ течение дня легко достигнуть четвертой и самой значительной складки Саянъ-Араданскаго хребта. По пути есть два небольшихъ перевала. первый изъ Казырсука въ Каменный* ключъ и второй - отсюда въ рѣчку Араданъ. Поднимаясь верхней долиной послѣдней, вы уже изъ-за верушекъ высокихъ кедровъ видите скалистые обнаженныя вершины Араданскаго хребта. Кедровый лѣсъ гдѣ на камняхъ и колодахъ посвистываетъ альпійскій звѣрѣкъ събставка (*Lagomys*

широкимъ полянамъ субальпійскаго харак-тера. Обильнѣе разрастаются кусты "маральника" съ фиолетово-лиловыми цвѣтами (*Rhododendron dauricum*) и еще болѣе красивый призмистый ку-старникъ "кашкара" (*Rhododendron chrysanthum*), на которомъ въ началѣ лѣта среди блестящихъ кожи-стыхъ листьевъ появляются золотистожелтые колоколь-цы. К а ш к а р а - это лучший красавецъ Саянъ! Но кедръ, уже сильно изуродованные, все еще тянутся вверхъ оди-нокими экземплярами среди свалившихся деревьевъ, ко-торыя не выдержали борьбы съ зимними стужами и въ-трами и медленно истлѣ-ваютъ у подножія болѣе сильныхъ счастливцевъ. На-конецъ, и послѣдніе оста-ются позади внизу, а вы круто поднимаетесь на сѣдло- вину между двумя верши- нами хребта, находящуюся на высотѣ 1600 метровъ надъ ур. моря (рис. 8).

По другую сторону пере-вала въ 4 верстахъ отъ него находится седьмая из- бушка; туда можно отпу- стить караванъ, а самому подняться пѣшкомъ на восточную болѣе высокую вершину, чтобы собрать альпійскую флору. Вер- шина поката къ югу и здѣсь покрыта крупной розсыпью, почти лишенной растительности; съвер- ная сторона почти отвѣсно обрывается къ истоку р. Арадана, гдѣ въ глубокой котловинѣ, обстав-ленной съ трехъ сторонъ гигантскими утесами, приотлилось небольшое озеро. По самому краю обрыва поднимается среди розсыпи едва приметная тропка; по ней объѣзжаютъ сѣдловину весной, когда послѣдняя завалена еще зимнимъ снѣгомъ. Пользуясь этой тропкой, вы можете миновать розсыпѣ, а выше уже идти цѣликомъ по крутому альпійскому лугу. Появляется разнообразное и цвѣтистое население, одѣвающее каменную почву. Пышно развѣсились голубые крылатые цвѣты водосбора (*Aquilegia glandulosa*); съ ними спорятъ въ окраскѣ лиловыя фіалки (*Viola altaica*), синія астры (*Aster alpinus*) и змѣголовки (*Dracoserphalum altaianse*), и круп- ный колокольчикъ (*Campanula pilosa*), золотомъ отливаютъ желтыя ястребинки (*Strepis chrysantha*),

*) Пятавъ въ долинѣ Б. Он; мы на ней не попали

крестовники, альпійскій макъ; тамъ и сямъ кра- снотыя мытникъ (*Pedicularis verticillata*) и бах- ромчатая гвоздика (*Dianthus superbus*); на щерб- ныхъ столпились ганцаны съ бѣлыми и синими бокалами и бѣлыя дрѣады, изъ трещинъ скаль свѣшиваются бѣдно-лиловыя цвѣты *Isorugium grandiflorum*. Однимъ словомъ альпійское насе- ление Саянъ весьма напоминаетъ Алтай, - и хо- тя бѣднѣй его по количеству растительныхъ формъ, но всетаки плѣняетъ взоръ богатствомъ, и разнообразіемъ красокъ. Сюда на высоты между прочимъ не заходитъ эдельвейсъ (*Leontoro-dium alpinum*), столь распространенный у лед-никовъ Алтая; здѣсь онъ дѣлается степнякомъ (см. выше).

Черезъ два часа неторопливый подъемъ кон-ченъ, барометръ показываетъ около 2000 метровъ надъ уровнемъ моря. Прямо къ с ѣверу рядомъ съ этой вершиной поднимается вторая нѣсколко

Рис.7 Тайга по Казырсуку

Рис. 8. - На Араданскомъ перевалѣ.

выше; она находится за истоками Каменнаго ключа. Направо подъ ногами едва замѣтными струйками среди ярко-зеленаго ковра, затаивъ-шаго дно долины, начинается Телсель, потомъ превращаясь въ значительную горную рѣчку. Къ западу между темными долинами рѣ къ протянулись синіе лѣсистые хребты, теряющіеся въ туманной дымкѣ дали. Они доходятъ до самаго Енисея и переходятъ на другую сторону этой мощной рѣ ки. Нигд ѣ не видно снѣ жныхъ вер-шинъ, серебрищихся на солнцѣ, которыми такъ щеголяетъ высокій Алтай, превосОдѣящій Саяны по высотѣ почти вдвое, но и здѣсь вы чувст-вуете мощъ и красоту горной природы, которая

является колыбелью крупныхъ данниковъ Еи-сея. И здѣсь васъ охватываетъ та же ничѣмъ не нарушаемая торжественная тишина, когда, кажется, лучи заходящаго солнца начинаютъ звучать на пестрыхъ переливахъ альпійскаго луга

Спуститься въ долину Телселя можно, или широкой тропкой, или узкой долиной въ исто-кахъ рѣ ки. Послѣдній путь гораздо труднѣй, но здѣсь можно видѣть, какъ незаметно рож-дается и постепенно вырастаетъ горная рѣка.

Сначала среди высокой травы, тучно разрос-шейся на почву, напитанной водой, какъ губка, выделяются небольшіе боцаги съ прозрачной водой. Ихъ соединяютъ между собой ничтожныя ручейки, теряющіеся въ зелени. Немного ниже съ возрастаніемъ уклона ручьи усиливаются и начинаютъ не смѣло журчать, переливаясь изъ одного боцага въ другой. Здѣсь вы опять возвращаетесь въ миръ звуковъ! Русло формируется въ видѣ болѣе замѣтнаго углубленія порой съ обнаженными и отполированными водой скалами: появляются маленькіе перелады на скалистыхъ ступенькахъ. и шумъ дѣлается рѣшительнѣе. Но берегамъ появляются кустарники, а потомъ и группы косматыхъ кедровъ. На двѣ версты ниже слѣва пришла вторая такая же едва иа-родившаяся рѣчка, и работая совместно онъ глубоко врѣлись въ дно узкой долины. заросшей густымъ лѣсомъ. Еще какихъ нибудь двѣ вер-сты, и рѣка уже всплываетъ бѣлками на окатанныхъ камняхъ или дробится въ цѣну на высокихъ водопадахъ, выростая съ каждымъ шагомъ впередъ, какъ ска- зочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ. Идти возможно только по лѣвому менѣе лѣсистому склону, гдѣ вы находите до-вольно высоко надъ рѣкой едва замѣтную промысловую тропинку, теряющуюся на сочныхъ заросляхъ мха; но и здѣсь скоро спускается лѣсъ, заваленный колодникомъ и заросший кустарниками, черезъ которые приходится пробираться путнику. Особенно не хорошо, если въ этой труппѣ захва-тить ночь и придется идти наудачу, по- стоянно теряя тропу, но тѣмъ приятнѣе увидѣть огонь у избушки въ расширеніи долины Телселя.

Отъ вершины Телселя подъ Арадан-скимъ хребтомъ - хороший день пути до Усинскаго. Здѣсь тропа дѣлается суше и болота почти не попадаютъ, за то изъ густого лѣса тропа скоро выходитъ въ сплошная гари, которыя тянутся по долинѣ Телселя версты на десять и представляютъ свои не- удобства. По долинѣ и до-вольно крутымъ склонамъ предъ вами тянется беско- нечная щетна голыхъ ство- ловъ, между которыми зеле- нѣють кустарники и кое- гдѣ поднимаются молодыя деревца 12-13 лѣтняго во- зраста. Отъ сильнаго вѣтра подгнившіе у основанія ство- лы заваливаются во всѣхъ направленіяхъ и часто пере-гораживаютъ тропу; тутъ приходится дѣлать объѣзды. стаскивать деревья въ сто- рону или освобождать запу- тавшихся въ ихъ въичныхъ лошадей. Во время самаго вѣтра здѣсь ѣхать, конечно, небезопасно.

Пройдя часа два долиной Телселя, отворачиваютъ въ его лѣвый притокъ - Поганый ключъ, гдѣ гарь опять замѣняется живымъ лѣсомъ, и тутъ вы видите первая лиственницы, характеризующія болѣе сухую почву. Под-

нявшисъ на послѣдній перевалъ, совпадающій съ границей лѣса, или нѣсколько южнее ея, тропа спускается въ рѣчку *Мирскую*, уже впадающую въ Усь Густыя лѣсныя заросли и здѣсь надолго смѣняются болѣе свѣжей гарью. гдѣ почти не видно даже кустарниковъ, а пользъ занять одно-образнымъ и рѣдкимъ покровомъ злаковъ. По-жарь былъ года 4 тому назадъ, и что особенно интересно, что погорѣло весьма огнеупорное дерево-лиственница; это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что насаждение было смѣшан-ное изъ лиственницы, ели и сосны и при томъ

довольно густое. Ель и сосна, легко поддающія-ся пламени, поддерживали и горѣ ніе листвен-ницы. Именно такое насаждение, но не тронутое огнемъ, вы проѣзжаете въ нижней части долины Мирской. Не смотря на лѣсистый ха-рактеръ мѣстности, начинаетъ сказываться бли-зость степной долины Уса; на полянкахъ появ-ляются сухія степныя травы и вмѣстѣ съ ними начинается трескотня кузнечиковъ и кобылки. Лѣсъ съ постепенно рѣдѣетъ, по сторонамъ дороги видно болѣе дней, на тропѣ появилась слабо обозначенная коленская колея; вообще челоуѣкъ

близко! Оставляя последняя лиственницы, вы въезжаете в степную долину Уса, расквашенную версту на 12 в ширину. Вдоль берега Мирской рѣчки протянулся маральник, за ним мельница: направо осталось селение Нижне-Усинское, а торная пылящая дорога по широкому займищу, поросшему тальниками, ведет к берегу быстро прозрачного Уса. Небольшой паром-самолет. действующий напором воды, переносит вас на лѣвый берег, еще полчася, и вы въезжаете в широкую улицу селения Верхне-Усинскаго.

В. Сапожниковъ.

(Окончание съдѣуетъ)

Игнатій Цезикъ.

Сибирь - эта страна ссылки - поглотила очень много выдающихся талантовъ, въ силу тѣхъ или иныхъ условий направленныхъ не въ надлежащую сторону. Яркимъ примѣромъ подобнаго таланта, имѣющаго всѣ задатки сдѣлаться знаменитымъ, былъ знаменитый по всей Сибири граверъ и ваятель Игнатій Цезикъ.

Польскій дворянинъ, уроженецъ окрестностей Слуцка, Цезикъ вмѣстѣ съ братомъ владѣть небольшимъ имѣніемъ. Онъ долго прожилъ въ Вильнѣ, гдѣ со страстью занимался рисованіемъ и лѣпными работами, пройдя видимо хорошую школу, когда Цезикъ вернулся въ деревню, то имѣетъ съ братомъ Феликсомъ, оставившимъ военную службу, занялся хозяйствомъ, а искусство совершенно забросилъ. Дѣла по хозяйству шли плохо. Игнатій оставилъ на мысли приспособить свои знанія и искусство къ приготовленію фальшивыхъ кредитокъ. Распространялъ въ народѣ кредитки старшій братъ Феликсъ. Поддѣлка была настолько хороша, что кредитки принимались безпрепятственно, но какая то случайность выдала фабрикантовъ. Братья попали въ тюрьму въ Бобруйскъ. Они и тутъ не теряли времени даромъ: по обычаю многихъ заключенныхъ, они принялись лѣпить фигурки изъ тѣста и хлѣба, и уже тогда на издѣльяхъ Игнатія Цезика лежала печать даровитости, обратившая на эти издѣлья вниманіе надзирателей. Игнатію облегчили оковы, доставляли глину, и вотъ по Бобруйску начали расходиться изящные глиняные сосуды, бокалы и кубки, выгодно отличавшіеся отъ прочихъ арестантскъ издѣлій.

Заключение въ бобруйской тюрьмѣ закончилось для братьевъ тѣмъ, что имѣние ихъ было конфисковано за нанесенный казнѣ ущербъ, а сами они лишены дворянства и осуждены въ Сибирь на каторгу. Въ Тобольскъ братьевъ различили: менѣе искусный Феликсъ ушелъ по назначенію, а Игнатій, благодаря своему таланту, обратилъ на себя вниманіе начальства и остался въ Тобольской тюрьмѣ. Пишущій эти строки можетъ говорить о Тобольскомъ періодѣ ссылки Цезика на основаніи свидѣній, собранныхъ на мѣстѣ, путемъ распросовъ и переписки. Въ Тобольскъ пришелъ Цезикъ въ концѣ 1828 или въ началѣ 1829 года. Онъ привелъ съ собой воспитанницу Акулину, дѣвочку лѣтъ 10, на которой впоследствии женился. Пребываніе Цезика въ тюрьмѣ было недолговременно: лѣпныя работы быстро его прославили; часто за большія деньги приобращались его издѣлья черезъ посредство тюремныхъ надзирателей и отсылались въ видѣ подарковъ въ Москву и Петербургъ, вездѣ вызывая всеобщее удивленіе и восторгъ. Въ Тобольскѣ Цезику жилось хорошо. Начальство покровительствовало, а тюремная мелкая сошка зарабатывала на посредничествѣ между мастеромъ и заказчикомъ, такъ какъ заказы сдѣлавали одинъ за другимъ, на перебой, когда воспитанница подросла, Цезикъ женился на ней и въ подгородной деревнѣ Завальной устроилъ себѣ уютный домикъ съ садомъ. Жена горячо любила его и подарила ему двоихъ сыновей. Все, казалось, сложилось для Цезика благоприятно. Когда Повстанцы 30-го года появились

въ Тобольскъ и среди нихъ нашелся одинъ - магнать Петръ Мощинскій - назначившій Цезику пожизненную пенсію въ 300 р. ежегодно. У Цезика были теперъ и пріятели и друзья. Можно бы на этомъ покончить и зажить мирно,

линости, до того она была хороша. Фабрикаціи кредитокъ въ деревнѣ Завальной танулись довольно долго-лѣтъ 15; помощникомъ по сбыту кредитокъ былъ у Цезика нѣкто Ершовъ, который пель свое коммиссіонное дѣло очень искусно. Но нашелся нѣкто еврей *Бриллиантъ* и сдѣлалъ на обоихъ доносъ. Фабрику кредитокъ накрыли, снова посадили Цезика въ тюрьму. снова судили и сослали (теперь на самомъ дѣлѣ) на каторгу въ Нерчинскіе заводы, въ Акаутійскій рудникъ. Брата своего Цезикъ уже не засталъ: Феликсъ умеръ раньше въ Олочахъ, на Аргуни. И здѣсь, въ Акаутѣ, куда за нимъ послѣдовала семья. Цезикъ скоро началъ пользоваться льготами: но онъ оказался неисправимъ и при всякомъ удобномъ случаѣ вновь принимался за фабрикацію кредитокъ. *После кратковременныхъ льготъ его снова ставили на работы, приковывали къ тачкѣ и т. д.* Уволенный отъ работъ за преклоннымъ возрастомъ, Цезикъ поселился въ Верхнеудинскъ, а въ 1857 году перебрался въ Иркутскъ, гдѣ и умеръ.

Всего больше сработано Цезикомъ различныхъ бездѣлушекъ, bibelots, декоративнаго характера: вазы, бокаловъ, урны, сахарницъ, пасхальныхъ яицъ, сигарочницъ и трубокъ. Всѣ эти издѣлья его неистощимая фантазія украшала, смотря по величинѣ, то мельчайшими ландшафтами, то гротесками (маски) и гирляндами, то фигурами и сценами изъ классической милологии (напр. воспитаніе Бахуса), или же мелкими

жуками и мушками, рачками (мормышъ) и бабочками Хорошее понятіе объ умѣни Цезика примѣняютъ античный орнаментъ даетъ первая ваза изъ моего собранія въ римскомъ стилѣ: другая знакомитъ отчасти съ тѣмъ, какіе сюжеты выбиралъ онъ для орнаментальныхъ цѣлей. На обратной къ зрителю сторонѣ справа виднѣется группа ребятишекъ, предающихся различнымъ играмъ: прямо предъ зрителемъ ѣдущій на лѣвъ амуръ изображаетъ возрастъ любви. Далѣе видны изображенія различныхъ занятій, свойственныхъ зрѣлому возрасту: рыбная ловля съ лодки, пашня, тяжело нагруженные возы. На оборотѣ вазы конецъ этой эпохи челоуческой жизни, а далѣе финалъ земного существованія подъ видомъ опирающагося на палку старика, бредущаго по направленію къ кладбищу. На кружкахъ Цезикъ часто изображалъ охотничьи сцены, которыя ему прекрасно удавались. Грубо эротическихъ сюжетовъ у Цезика нѣтъ. У меня есть фрагментъ барельефа, изображающаго заигрываніе Амура съ Венерой, выполненное вполне благопри-

стойно По отзыву старожилловъ, Цезикъ старательно избѣгалъ фривольныхъ сюжетовъ.

Перехожу теперь къ техникѣ. Цезикъ работалъ свои издѣлья изъ хлѣбнаго мякиша, изъ воску, но всего больше изъ глины. Въ тѣмъ же одиночномъ заключеніи онъ выдѣлывалъ ландшафты и фигуры чѣмъ приходилось: иглою, рыбьей косточкой, осколкомъ стекла или тарелки, съ одинаковымъ искусствомъ и ловкостью, какъ и на свободѣ, когда подъ его руками были всевозможные инструменты. Для наиболѣе употребительныхъ орнаментовъ, фигуръ и гротесковъ онъ примѣнялъ свинцовый штампъ, которымъ оттискивалъ изображенія на поверхности сосуда. Бордюры тискалъ онъ также штампомъ, приправляя потомъ ихъ рѣзьомъ, но иногда работалъ (особенно въ тюрьмѣ) одной иглою и гладилкой. Курьезны подчасъ его бордюры, исполненное въ тюрьмѣ деревяннымъ штампомъ. Все поле, незанятое изображеніемъ, онъ обыкновенно покрывалъ матомъ, дѣлая съ помощью иглы сплошной пунктирный наколъ, и нужно сказать, что Цезику удавалось это наилучшимъ образомъ. Бордюры и плоскій орнаментъ чаще полировались и даже покрывались лакомъ.

Цезикъ работалъ изъ глины, окрашиваемой имъ преимущественно въ черный цвѣтъ, но барельефы преимущественно исполнялъ изъ бѣлой глины. Въ тобольскомъ музеѣ есть его работы: фигура надгробнаго памятника изъ глины, превосходно поддѣланной подъ яшму. Изучивъ разныя обломки, я готовъ утверждать, что Цезикъ употреблялъ хорошо перемѣтую, даже отмоченную глину, примѣнялъ на свободѣ гон-

въ кругу семьи. Но... лукавый попуталъ Цезика и онъ снова принялся за фабрикованіе ассигнацій, сначала съ опаской и умѣренно, а потомъ нимало не стѣнясь. Въ Тобольскѣ рассказываютъ, что первой ассигнаціей, изготовленной имъ, Цезикъ задобрилъ полицейскаго чина, который и не подумалъ усомниться въ ея под-

чарный станок, но не обжигал своих изделий. В то время об этом нечего было и думать, а на свободу он не обжигал, вероятно потому, что глина не сохранила бы приданной ей окраски; быть может также, он делял к глине какую-либо примесь, мывшую обжог. Но в конце всего - большинство изделий не обжигались от излишней спешности при массе заказов.

Итак Цезик было под сорок, когда он попал в Тобольскую тюрьму, в которой пробыл около двух лет. Очевидцы описывают его худощавым человеком высокого роста, с красивым лицом и выразительными глазами, характера он был необычайно доброго, с душой отзывчивой и готов был помочь всякому бедняку. В Иркутск многие знали Цезика преклонным стариком, с бледным морщинистым лицом и совершенно седыми волосами и бородами. Теперь семья работала втроем, но дряхлый Цезик уже как бы пережил свою славу; изделия его не могли теперь печатать былого изящества, не поразили прелестью артистической отделки. Старик сам работал очень мало; он давал только указания, а весь труд выпадал на долю жены и сына (другой умер в Акатуй). Хотя эти изделия также носят имя Цезика и их все же можно встретить в

Забайкаль, но они далеки от творений Цезика. Даровитый мастер умер около 1860 года, восьмидесяти летним старцем. Жена, похоронив мужа, вернулась на родину, но с сыном или одна, мы не могли узнать. Она вывезла с собой те произведения мужа, которые покойный наиболее ценил, но недостаток средств вынуждал ее продавать некоторые из них на дороге. Лучшее произведение приобрел компатриот Цезика - Поклевский-Козель, у которого оно сейчас находится.

Это плоская рельефная картина, изображающая Акатуйский рудник. В долине знаменитая тюрьма, вдали - горное селение, пристроившись к руднику; солнце уже готово опуститься за гору, над которой несется облака. На переднем плане видна штольня и около нее несколько каторжников, везущих в тачках серебряную руду. Впереди всхлипывает сам Цезик, прикованный по

рукам и ногам к тачке, наполненной рудой. Оригинально изобразил себя Цезик: одежда на нем изорванная, заплатанная, на плече огромная дыра, одно колено протерто; сквозь дыры на куртке просвечивают помочи, поддерживающая кандалы. Каторжный Цезик отдыхает, склонив голову на ладонь правой руки, опершейся на колено; левая рука, вооруженная молотом, безнадежно повисла вниз. На уставшем лице печать тяжелой думы: видимо усиленно работает мысль в голове усталого каторжника. Экспрессия в этой композиции поразительная, да это и не удивительно, потому что Цезик любил часто повторять эту тему.

Прежде чем говорить о технической стороне произведений Цезика, перечислим выдающиеся его произведения, которые нам привлекло очень много видеть и достаточно приобрести.

Цезик был неистощимо изобретателен и талантливо изобразил себя Цезик: одежда на нем изорванная, заплатанная, на плече огромная дыра, одно колено протерто; сквозь дыры на куртке просвечивают помочи, поддерживающая кандалы. Каторжный Цезик отдыхает, склонив голову на ладонь правой руки, опершейся на колено; левая рука, вооруженная молотом, безнадежно повисла вниз. На уставшем лице печать тяжелой думы: видимо усиленно работает мысль в голове усталого каторжника. Экспрессия в этой композиции поразительная, да это и не удивительно, потому что Цезик любил часто повторять эту тему.

Прежде чем говорить о технической стороне произведений Цезика, перечислим выдающиеся его произведения, которые нам привлекло очень много видеть и достаточно приобрести. Цезик был неистощимо изобретателен и талантливо изобразил себя Цезик: одежда на нем изорванная, заплатанная, на плече огромная дыра, одно колено протерто; сквозь дыры на куртке просвечивают помочи, поддерживающая кандалы. Каторжный Цезик отдыхает, склонив голову на ладонь правой руки, опершейся на колено; левая рука, вооруженная молотом, безнадежно повисла вниз. На уставшем лице печать тяжелой думы: видимо усиленно работает мысль в голове усталого каторжника. Экспрессия в этой композиции поразительная, да это и не удивительно, потому что Цезик любил часто повторять эту тему.

дочь сенатора. обреченного на голодную смерть в темнице, которая, разделяя с ним заточение, кормит умирающего от голода отца собственной грудью.

Хороши также барельефы символического характера. Таков барельеф, изображающий который пускает мыльные пузыри, а целый сонм прославленных историей великих людей их. Всенюгу Хронос (Время, с песенными часами в одной и кося в другой руке, саркастически созерцает издалека картину и как бы смеется над тем, что земная слава есть ничто иное, как именно эти мыльные пузыри. Или вот еще барельеф, символизирующий материнскую любовь: птица пелликань, стоя над наполненным птенцами гнездом, ударом клюва в собственную грудь добывает из сердца кровь и кормит своих детей.

Над всеми мотивами преобладает однако у Цезика тюрьма, в которой он преимущественно изображает самого себя. Вот он сидит в одиночной камере, закованный в кандалы: отягченная глубокой думой голова, его оперлась на руку и обращена лицом к стоящему на столике распятию. Под столиком играют мыши: увлечшись полной тишиной, они уже готовы взобраться на самую ногу Цезика. А вот еще барельеф на тему из пребывания

кружки работы Цезика теперь рѣдкость; особенно трудно встретить или менее крупный разрыв. Скажем в заключение, что полная прелесть артистическая изделия талантливого ваятеля заслуживают внимания знатоков. Давно бы пора собрать фотографии со всех уцелевших его творений, особенно барельефов, и издать их. Ожидая, взглядом даже мое небольшое собрание произведений Цезика, заключающее семь ваз, не считая бездельшек, я склонен невольно сказать: "да, это действительно настоящий художник!"

С. К. Кузнецов.

Изъ міра отверженных.

Къ рисунку "по носам".

Въ подслѣдственной камерѣ-тишина и скука...

Послѣ обѣда, который по своему качеству и количеству вовсе таки не располагалъ ко сну, заключенные тѣшнотой старались придумать, какъ бы провести повеселѣе время.

На работу не гояются, спать не хочется, а такъ сидѣть скучно.

Наживали было пѣсно, да дѣло сегодня какъ то все не клеилось: запыляло быть не въ духъ и послѣ двухъ, трехъ попытокъ-пѣсно забросили.

Тѣ, кто имѣлъ табакъ, ожесточенно курятъ, стараются хотя этимъ убить какъ нибудь время, другіе принялись разглагольствовать по камерѣ, изъ стѣны въ стѣну, "маячить" какъ въ другое время смѣялись арестанты... Скука...

"А что старички! не сыграть ли намъ въ карты по носамъ"? раздаются голоса...

"Вѣрно! давай, братцы по носамъ, - подерживаетъ другой... Деньгъ есе единю ни у кого нѣтъ, такъ хотя по носамъ сыграемъ, все веселѣе будетъ".

Предложение принимается и скоро на парахъ расстилается калатъ, появляются засаленныя карты-"святцы", какъ ихъ зовутъ арестанты и игра начинается.

Играютъ съ увлеченіемъ: то и дѣло, при громкомъ хохотѣ обступившей публики, раздаются рѣзкіе удары картами по носамъ проигравшихся. Ставки идутъ довольно крупныя и скоро у нѣкоторыхъ игроковъ носы становятся красными и припухшими, какъ отъ мороза... но не бѣда-заживетъ, лишь бы провести время, которое такъ скучно и медленно тѣнется въ тюрьмѣ.

въ тобольской тюрьмѣ: Цезикъ, опершись о подоконникъ, пристально смотритъ сквозь рѣшетку тюремнаго окна, къ которому въ эту минуту приближается миловидная, но съ страдальческимъ лицомъ женщина, держа на рукахъ ребенка, въ то время, какъ другая малютка идетъ, ухватившись за ея юбку. Это вѣрная жена идетъ взглянуть чрезъ рѣшетку на мужа. Вообще жена часто фигурируетъ въ барельефахъ Цезика. Припоминается барельефъ, приобретенный покойнымъ В. М. Флоринскимъ. Изображена комната въ домикѣ, выстроенномъ Цезикомъ въ деревнѣ Завальной: въ глубинѣ комнаты неубранная кровать; на которой сидитъ лицомъ къ зрителю печальная Акулина и баюкаетъ расплакавашаго ребенка; она, какъ видно, только что взяла его на руки изъ люльки, подвѣшенной къ потолку на длинномъ шестѣ (очень). У стѣны на лавкѣ видна прядка съ куделью; снѣша къ ребенку, мать не успѣла свить нитку на веретено и эта нитка тянется къ лежащему подъ лавкой веретену. Въ углу направо-образокъ, а на едннственномъ окошкѣ въ шесть стеколъ стоитъ банка съ удивительно тонко исполненной геранью; по направлению къ верхушкѣ герани спускается изъ своего гнѣзда въ правомъ углу окошка паукъ. Всѣ детали выполнены замѣчательно реально и въ тоже время художественно, съ чисто фламандскимъ терпѣніемъ и отчетливостью.

Всѣ секреты производства умерли вмѣстѣ съ даровитымъ мастеромъ. Погибло и большинство его хрупкихъ изделий, требующихъ крайне осторожнаго обращенія. Цѣльные вазы, кубки и

Научныя новости.

Новое открытіе.

Въ академіи наукъ въ Парижѣ профессора университета въ Нанси Шароанте и Блондо сдѣлали весьма важное сообщеніе о томъ, что человѣческое тѣло испускаетъ особые лучи, похожіе на тѣ, которые посылаетъ въ окружающее пространство радій.

Эти лучи проникаютъ черезъ непрозрачныя тѣла и дѣйствуютъ на фотографическую пластинку. Когда мышечная и нервная системы организма проявляютъ усиленную дѣятельность, свѣтъ, исходящій отъ тѣла, усиливается. Открытіе это имѣетъ конечно, чрезвычайно важное значеніе. Упомянутые ученые доказали, что мертвое тѣло не испускаетъ этихъ лучей и такимъ образомъ найдены новый способъ опредѣлить моментъ смерти. Къ сожалѣнію, еще въ настоящее время нельзя сказать, действительно ли фактъ, констатированный Блондо, имѣетъ мѣсто. Дѣйствіе на фотографическую пластинку можетъ обуславливаться различными химическими и тепловыми реакціями, и трудно въ каждомъ данномъ случаѣ съ достовѣрностью доказать, что фотографическая пластинка измѣнилась исключительно подъ вліяніемъ свѣта. Во всякомъ случаѣ, если только подтвердится новооткрытый фактъ, въ человѣческомъ организмѣ скажется богатый источникъ энергіи, еще до сихъ поръ совершенно неиспользованный. (Курьеръ.)

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Продажа въ разсрочку и прокатъ Роялей и Пянино.

Музыкально-инструментальная торговля П. И. Макушина въ Томскѣ.